

ВАЦЛАВ ВОРОВСКИЙ

ФИНАЛ
СЪЕЗДА

Вацлав Вацлавович Воровский

Финал съезда

Аннотация

Хотя деятельность Воровского в «Нашем слове» была кратковременной (декабрь 1909 г. – апрель 1910 г.), ему удалось создать вокруг газеты небольшой, но боевой авторский коллектив. Газета систематически публиковала материалы о жестокой эксплуатации трудящихся, о бедствиях безработных, о забастовочном движении. Весной 1910 г. «Наше слово» было закрыто властями. То, что Воровский сумел поставить «Наше слово» на службу партийным интересам, имело особенное значение, так как в начале января 1910 г. была разгромлена полицией подпольная типография Одесского партийного комитета.

Поводом к настоящему фельетону явилась скандальная история, происшедшая на съезде по борьбе с пьянством, который заседал в Петербурге в январе 1910 г. Либеральные предводители съезда заявляли, что их главная цель – забота о благе народа. Когда же представители рабочих, участвовавшие в работе съезда, уличили председателя в фальсификации текста резолюции и потребовали в связи с этим слова, председатель не только отказался предоставить рабочим делегатам трибуну, но и пригрозил им полицией. В знак протеста представители рабочих покинули съезд.

Вацлав Воровский

Финал съезда

Нет, это уже черт знает что такое!

Серьезные, солидные люди, с видным общественным положением, пекущиеся о благе народа, собрались на съезд по борьбе с пьянством, работали, обсуждали, говорили и вдруг...

И в каких условиях приходилось им работать! Все время озирались, считаясь с «независящими обстоятельствами». Целый ряд докладов был снят градоначальником, и только заступничество товарища министра Крыжановского дало возможность обсуждать их. И вдруг...

Нет, знаете ли, это просто мерзость!

Представьте себе такую картину: вы находите на улице пьяного простолюдина, утратившего образ и подобие человека. Движимый состраданием, вы поднимаете его из грязи, ведете домой, опасливо поглядывая, как бы не обиделся на вас Мырцев за это вмешательство в его прерогативы. И вдруг этот самый, вами спасаемый простолюдин совершенно неожиданно заушает вас!

И это за ваше самопожертвование, за то, что вы снизошли к нему, к его нуждам, к его порочности и грязи!

А разве не то же самое произошло на съезде?

Сколько лучших умов – и притом не из проходимцев ка-

ких-нибудь, а людей крайне почтенных – заботливо обсуждало меры предупреждения пьянства среди рабочего населения.

Длинный ряд заседаний был посвящен этому вопросу – и вдруг...

Вдруг в последнем заседании, когда пришло время подвести итоги работам высокополезного съезда и принять разумную, почтительную резолюцию, – группа рабочих предложила баллотировать, что:

«Пропаганда воздержания от употребления спиртных напитков при существующем политическом беспорядке, при отсутствии свободы собраний и союзов и свободы слова совершенно невозможна. Воздержание может быть достигнуто лишь путем проведения широких социальных и экономических реформ».

Какая нелепость и какая бестактность!

Я не говорю уже о том, что соваться грубым, неотесанным мужланам со своей резолюцией в собрание интеллигентных, просвещенных либеральных людей – есть верх нахальства... Чего ждать от господ, воспитавшихся на «Коммунистическом манифесте», «Эрфуртской программе», митингах и экспроприациях...

Но какая бессмыслица! Для воздержания от пьянства им нужна, видите ли, политическая свобода! Для того, чтобы не пропить лишней заработанный полтинник, а снести его в сберегательную кассу, или, еще лучше, отправить в деревню,

где его могли бы уплатить в счет недоимок, для этого господам рабочим нужны «широкие социальные и экономические реформы»!

Какое невежество и какая развязность!

Словно разумное существо не одарено провидением свободной волей, которой одной достаточно, чтобы твердо стать на путь честного труда, добросовестного исполнения долга, трезвой и религиозной жизни.

Да, именно, трезвой и религиозной. Ибо там, где теряется религиозность, где коллективистические бредни вытесняют смирение и покорность, там торжествует и пьянство – такой же яд для тела, как «Эрфуртская программа» – яд для души.

Годы смуты избаловали и испортили нашего рабочего. Он привык к сладкой жизни, несоответствующей его умственному уровню и общественному положению. Непомерно высокая заработная плата и короткий рабочий день, разоряющие отечественную промышленность, слабая напряженность труда и терроризирующее отношение рабочих к хозяевам – все это развращает и портит рабочего. Он начинает беситься с жиру.

И вот, когда приходят к нему почтенные, мудрые люди и говорят: возьми себя в руки, не пьянствуй, откладывай деньги, и ты сам скоро станешь хозяином, капиталистом, – тогда рабочий, нагло глядя на своего благодетеля, отвечает: а подай мне всякие свободы и четырехчленную формулу!..

И кому подали они свою грубую бестактную резолюцию?

Члену Государственного совета Крамеру! Понятно, что глубокоуважаемый г-н Крамер тут же с негодованием разорвал их резолюцию, указав этим надлежащее место зазнавшимся демократам.

Но что должны были переживать эти благородные друзья рабочего народа, когда их добрые стремления были встречены с подобной неблагодарностью?

Мухомор

«Наше слово»,

4 января 1910 г.